

У АРТИСТА ЕВГЕНИЯ ПАВЛОВИЧА ЛЕОНОВА СПРОСИЛИ:

— О вашем польском коллеге Даниэле Ольбрыхском рассказывают, что перед выходом на сцену он может курить, рассказывать анекдоты. Другие актеры еще за сутки до спектакля уходят в себя, перестают разговаривать со знакомыми, отключают телефоны... Как в таких случаях поступаете Вы?

— У меня нет теории на этот счет, — ответил Евгений Павлович. — Всякий раз бывает по-разному. И вообще, мне кажется, что грани между работой актера в театре и кино сейчас стираются. Театр перой требует той же сиюминутности, что и кино, а скоростные кинотемпы вовсе не исключают достаточно длительного вживания в роль. Словом, универсального рецепта нет. И улыбнуться, и заплакать всегда сложно...

Леоновская улыбка, оживившая нарисованного Винни-Пуха, и леоновские слезы в «Донской повести» по М. Шолохову... «Улыбнуться», «заплакать»... Эти два слова — как два знака необычайной широты актерского диапазона. Комедия — удивительно «своя» стихия для Евгения Леонова. Но разве менее «свои» драма и трагедия — «Белорусский вокзал», «Премия» — в кино, «Иванов» — в театре!..

Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Евгений Павлович Леонов побывал в гостях у журналистов «Алтайской правды». Хорошо всем знакомый, давно любимый актер предстал на этот раз в своем «человеческом амплуа» — умном, ироничном, добром.

Что привело Евгения Леонова в Московский театр имени Ленинского комсомола, где он сейчас работает? Его мнение о спектакле режиссера Марка Захарова «Иванов»? Трудно ли сломать стереотип отношения режиссеров и публики к возможностям того или иного актера? Мнение о партнерах по сцене и экрану? Самая любимая роль? Отношение к популярности? Ответы на эти и другие вопросы вылились в монолог-размышление актера о своей работе в театре и кино. Записи рассказа Евгения Павловича Леонова мы предлагаем сегодня вниманию наших читателей и передаем им самые лучшие пожелания артиста вместе с его автографом.

читателям газеты
«Алтайская правда»
с добрыми пожелан-
иями.

Е. Леонов

Субботняя
встреча

«И УЛЫБНУТЬСЯ, И ЗАПЛАКАТЬ СЛОЖНО...»

— МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ сейчас мой товарищ, Евгений Урбанский... Он был необычайной индивидуальностью, а может, и сразу родился личностью? Об этом гогорили все его актерские данные: скульптурное лицо, необыкновенная улыбка, темперамент... И вот в пору его очень больших успехов в кино (он играл Губанова в «Коммунисте», играл в фильме Чухрая «Чистое небо», сделал необычайно сильный эпизод в «Балладе о солдате») появилась критическая статья, в которой говорилось, что вот, мол, появился прекрасный артист кино Урбанский, но Урбанский — театральный актер пока еще не состоялся. Не состоялся! А Урбанский в то время играл на сцене своего театра почти все главные роли, был ведущим актером. Бывает и так. Очень часто в жизни артисту приходится брать труднейшие барьеры, чтобы самому поверить в свою индивидуальность и других заставить поверить в нее, вырасти в человека, актера, личность.

Это хорошо, что сейчас к проблеме актера повернулись лицом. Пятнадцать лет длилось в критике молчание, почти никто ничего об этом не писал, и вдруг — статья за статьей. Статьи разные, и отношение мое к каждой из них разное. Порой кажется, что написаны они немножко «сбоку», а надо бы «в глубину». Актеры сейчас много заняты — радио, кино, телевидение... Новый образ творческой жизни? А может, суета сует? Может, надо жить, никуда не выходя из своего театра, и думать, и вникать, и погружаться? А может...

Я думаю, что самое трудное дело — это становление акте-

ра. И прекрасно, когда актеры дерзают, когда театр экспериментирует. Хорошо сказал Станиславский о том, что нужно почаще вышибать стул из-под актера, то есть лишать актера привычных штампов. Я сознательно ушел из театра Станиславского, где проработал 20 лет, почувствовав, что стал катиться вниз. Такая сложилась обстановка... Потом играл у своего учителя Гончарова в театре Маяковского. Но когда в театр Ленинского комсомола пришел режиссер Марк Захаров, который всегда мне нравился, меня неудержимо потянуло туда. Потянуло в театр ищущий.

Большие критические страсти разгорелись вокруг нашего спектакля «Иванов». Правильно мы поставили чеховскую пьесу или неправильно? Нужен эксперимент в искусстве или не нужен? Может толстый, пухлый Леонов после великих наших трагиков играть Иванова или не может? Вопросов много. Бесмысленным мне кажется один — об эксперименте в искусстве. Конечно, эксперимент всегда нужен. Если спектакль не получился — его можно снять. Не все получилось и в нашем «Иванове», но ведь что-то же получилось! По-новому, неожиданно была прочитана пьеса — резкая и публицистичная.

Но кто бы и как бы ни играл «Иванова», этой работе обязательно нужно отдать кусочек сердца — иначе никого не убедишь. На одних лишь внешних данных еще никому не удалось выстроить свою актерскую жизнь. Вспомните Папанова. Комик! А сыграл Серпилина в «Живых и мертвых». Но не все режиссеры способны так

«рисковать». Присмотрит ли публика? Представьте, что Вячеславу Тихонову предлагают великолепную комедийную роль, ну, просто мечту... А он уже (и очень надолго) Штирлиц — герой, разведчик, красивый, с голубыми глазами. Простили бы поклонницы Штирлица такую «измену» Тихонову? Как знать...

В кино я сыграл 70 разных ролей. Лучшей считаю роль в «Белорусском вокзале». Люблю бригадира Потапова в «Премии». Сколько писем вызвал этот фильм! И кто-то очень точно сказал: «Потапов — не правдоискатель, а правдостроитель». Люблю умные, тонкие фильмы режиссера Даниэли. Какая талантливая работа — «Афоня», и роль Колиштуратура, которого я там играл, необычная, сложная. Думаю, что характер этот дает повод для размышлений более глубоких, чем такие: «Афоня никогда не поднимется, потому что рядом отрицательный герой Коля». Или: «Афоня никогда не погибнет, потому что рядом Коля...»

Мне повезло сниматься в «Первом курьере» и в «Гонимых», и в «Карусели», и в «Донской повести». Последние роли — у Даниэли в «Осеннем марфоне», в фильме «Верой и правдой» Андрея Смирнова, в «Утиной охоте» по Вампилову...

Упомянул имя Андрея Смирнова — и снова хочется вернуться к «Белорусскому вокзалу». Прекрасная картина! И ведь взялись за нее и сделали два парня, которым было тогда всего-то по тридцать лет. Это тоже из области эксперимента. Нужны эксперименты, нужны... Надо перестать снимать скучные фильмы. Куда исчезли с экрана яркие страсти? Где мелодрама? Вот фильм

Андрея Смирнова «Осень» — прошел по окраинам, оценки получил недружелюбные, а мне он нравится, нравится, как пример современной мелодрамы, где любовь, сложности, страсти, слезы, где кипят чувства...

Я всегда с большой радостью снимаюсь у того режиссера, в том коллективе, когда все мы думаем вместе — и над темой, и над сценарием, когда мы заняты общим делом, когда партнеры помогают друг другу. И не важно, что молодой подсказывает тебе, опытному, было бы дело, а не каприз: «Не мешайте! Это мой, мой эпизод!»

Артисты кино популярны, но, мне кажется, «популярность» — все-таки слишком мелкое слово. И если кто из актеров вдруг подумает про себя: «Я популярен», — это значит, что он успокоился. Популярность быстро проходит, это не признание, популярным можно стать и не будучи артистом. Вот поэт Евгений Евтушенко сыграл Циолковского, и Михаил Ножкин, снимающийся в кино, — тоже не артист... И дело не в том, чтобы в отзывах, рецензиях тебя обязательно хвалили. Мне уже за 50, читал о себе очень много, и сейчас гораздо интереснее узнать, а что же в моей работе получилось или не получилось. Чтобы для меня польза была.

Я учился у Яншина — прекрасного педагога. Он воспитывал нас сурово, жестко и любил повторять: «Большим актером не станешь, не трать зря своего сердца». Мы не должны забывать заповеди своих учителей. Надо тратиться. Тратиться сердцем...

Записала О. ШЕВЧУК.

Фото В. Выборова.